

Сфера разрешения споров: лики правосудия по гражданским делам в современной России

Надежда Вадимовна Сухова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: n.v.sukhova@utmn.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ проблематики, имеющей отношение к феномену суда (или процесса), с использованием различных методов научного исследования. Такая постановка научной проблемы отвечает текущим вопросам развития процессуальной теории и юридической практики. Наблюдая за развитием процедур судебного и внесудебного производства, автор полагает, что вопрос, который сегодня стоит перед нами, заключается в том, каким образом оценить роль этих разных видов процессуальных институтов в современной социально-экономической и правовой жизни. Настоящая статья предлагает альтернативу привычным представлениям о судебных и несудебных способах разрешения споров, полученных методом классификаций. Это связано с тем, что судебные и несудебные процедуры имеют тенденцию заимствовать отдельные элементы друг у друга, а это затрудняет решение проблемы выбора как для самих сторон спора, так и для национальной процессуальной системы. Вместо этого, избегая какой-либо классификации, автор рассматривает их как равноценные формы защиты прав и интересов, обладающие собственной ценностью, которая определяется в том числе способами вынесения решений, их целями, задачами и идеями.

Ключевые слова: государственный суд; альтернативные процедуры разрешения споров; судебные, несудебные и внесудебные способы разрешения споров и урегулирования конфликтов; плюрализм форм защиты различных прав и интересов; цели гражданского судопроизводства; государственная юстиция; процедурный плюрализм

Цитирование: Сухова Н. В. 2025. Сфера разрешения споров: лики правосудия по гражданским делам в современной России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 11. № 3 (43). С. 77–93. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-77-93>

Поступила 28.07.2025; одобрена 28.08.2025; принята 09.09.2025

The sphere of dispute resolution: Faces of justice in civil matters in modern Russia

Nadezhda V. Sukhova ✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: n.v.sukhova@utmn.ru ✉

Abstract. The article conducts a comprehensive analysis of the problems related to the phenomenon of the court (or process) using various methods of scientific research. Such a statement of scientific problem meets the current issues of procedural theory and legal practice development. Observing the development of judicial and non-judicial proceedings, the author considers that the key question is how to assess the role of these different types of procedural institutions in modern socio-economic and legal life. This article offers an alternative to the usual ideas about judicial and non-judicial methods for resolving disputes obtained by classification method. This is due to the fact that judicial and non-judicial procedures tend to borrow individual elements from each other. The circumstance makes it difficult to choose between procedures both for the parties of disputes and for the procedural system in general. Instead, avoiding any classification, the author considers them as equivalent forms of protection of rights and interests, which have their own value based on ways of making decisions, their goals and objectives, and their ideas.

Keywords: state court; alternative dispute resolution procedures; judicial, non-judicial and extrajudicial dispute resolution and conflict resolution methods; forms pluralism of protecting various rights and interests; civil proceedings objectives; state justice; procedural pluralism

Citation: Sukhova, N. V. 2025. The sphere of dispute resolution: Faces of justice in civil matters in modern Russia. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 11 (3), 77–93. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-77-93>

Received Jul. 28, 2025; Reviewed Aug. 28, 2025; Accepted Sept. 9, 2025

Введение

В настоящее время такое преобразование в области правосудия по гражданским, арбитражным и административным делам, как поиск альтернатив судебному процессу и консенсусное разрешение правовых споров, называют одной из наиболее важных тенденций современной судебной реформы и одной из задач судебной власти Российской Федерации. Сегодня, несомненно, развитие процедур судебного и несудебного производства в нашей стране продолжается.

Процессуальная мысль в XXI столетии приложила усилия к тому, чтобы найти чисто юридическое решение вопроса о несудебных способах разрешения споров, сосуществующих с судебным рассмотрением дел. Для достижения этой цели она тщательно проанализировала разницу между государственным правосудием и негосударственными формами защиты прав, произвела сравнительную оценку отличительных свойств тех и других, обращая внимание на особенности природы альтернативных способов разрешения споров, углубившись в мельчайшие детали как преимуществ, так и недостатков каждого конкретного способа разрешения споров. Следуя этому пути, процессуальная доктрина использовала тот богатый материал, который был накоплен в юридической литературе научной и практической направленности; проверила его на основе данных, почерпнутых из правовой жизни современных государств. В последние десятилетия XX в. в странах общего и континентального права ведущие ученые, бывшие свидетелями постоянного развития несудебных форм разрешения споров, решали по преимуществу вопросы и задания в области правовой политики, для чего они в своих научных построениях всегда исходили из тех или иных философских и социологических предпосылок, а не только из чисто теоретических оснований. В то же время отечественная наука гражданского процесса в XXI столетии, напротив, сосредоточила свое внимание исключительно на юридико-догматической стороне вопроса о признаках альтернативных процедур разрешения споров, формы которых более или менее установились. Благодаря этому направлению научной деятельности представителей гражданского процессуального права была создана чрезвычайно богатая юридическая литература, посвященная теории разрешения споров, имеющая исключительно высокое значение по своей методологической ценности.

Тем не менее окончательный результат всей этой кипучей деятельности не вполне соответствует тем стремлениям, которыми она вдохновляется, и вызывает несомненное чувство неудовлетворенности. Основная цель этой научной работы — определить сущность альтернативных форм разрешения споров, сформулировав ее в строго логически построенном понятии, — далеко не вполне достигнута. Осуществление этой цели заключается в выявлении отличительных признаков альтернативных процедур, которые давали бы возможность всегда безошибочно отличать их, по крайней мере, от строго формального и тяжеловесного государственного правосудия. Интересующие нас исследования были направлены в первую очередь и главным образом на выявление точного представления (чуть ли не географического) о положении всех альтернативных форм разрешения споров — в системе российского права, и в рамках действующей судебной системы, и вне ее. В этой части произведенную научную работу можно считать совершенно законченной и увенчавшейся полным успехом¹. Один из отличительных

¹ Положение этого вопроса в юридической науке с исчерпывающей полнотой рассмотрено в исследовании Г. В. Севастьянова (см.: Севастьянов Г. В. 2009. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров: учебно-методические материалы и практические рекомендации / сост. Г. В. Севастьянов. СПб.: АНО «Редакция журнала „Третейский суд“», с. 91–121). Этот научный труд включает в себя не только попытку самостоятельно решить

их признаков — неформализованность процедур или их «альтернатива» государственному суду (в интерпретации русскоговорящих авторов) — явился предметом детального рассмотрения со стороны процессуалистов. Трактовки альтернативных процедур разрешения споров в широком и узком смысле слова сплошь противоречивы, а потому они не пригодны для объяснения современных явлений в развитии правосудия по гражданским, арбитражным и административным делам, уголовного судопроизводства. Но решение дальнейших вопросов (каким образом каждая процедура должна быть квалифицирована, какие признаки помогут нам отнести тот или иной способ разрешения споров к судебным или несудебным (неформальным, альтернативным, примирительным) процедурам, есть ли какие-то определяющие характеристики или нет) «до сих пор находится совершенно в безнадежном положении» (прибегая к формулировке Б. А. Кистяковского [1999]¹).

Не случайно, что современная научная процессуальная мысль подходит достаточно осторожно к изучению всего того, что касается альтернативных подходов к разрешению споров. Такое положение вещей связано не только с засильем методологических подходов позитивной юриспруденции — методов формально-логических обобщений и классификаций в науке о процессе; оно объясняется также относительной новизной научной разработки данной проблематики². В качестве уточнения нам следовало бы добавить, что в отечественную процессуальную теорию система альтернативного разрешения споров первоначально была привнесена из зарубежной доктрины, в основном из трудов американских ученых-процессуалистов, практикующих медиаторов и юристов.

Вместе с тем решение этого вопроса чрезвычайно важно для продолжения любой дискуссии, касающейся выбора судебных, несудебных или внесудебных процедур разрешения споров, то есть для выяснения всего существенного и основного в соотношении судебных и несудебных форм защиты прав. Наряду с этим, несомненно, что движение альтернативного разрешения споров продолжает вносить вклад в преобразование различных процессуальных систем разных государств. Это обязывает к точности национального концепта.

исследуемый вопрос, но и осведомляют о всех других решениях его. В данном труде ценно то, что автор не ограничивается передачей заключительных результатов, к которым приходят те или иные исследователи, а останавливается и на том пути, которым они шли, тем самым вскрывая методы их исследования. Сам автор приходит к заключению, что специфика способов АРС — процессуальных институтов саморегулирования гражданского общества — по сравнению с государственным судопроизводством имеет качественные отличия.

¹ Эта часть текста введения (которая посвящена вопросу методологической путаницы в науке о процессе) выполнена в подражание русскому социологу и правоведу Б. А. Кистяковскому, в частности его рассуждениям относительно отношения науки государственного права к вопросу государственной власти. Подробнее см.: [Кистяковский, 1999, с. 243–245].

² Так, проблема взаимодействия судебного и альтернативного порядков защиты права только недавно стала обсуждаться в отечественной юридической литературе, в частности, явилась предметом двух диссертационных исследований: [Стрельцова, 2023; Лазарев, 2024].

Методы

Мировоззренческой основой нашего исследования выступает практически всеобщий (философский) диалектический метод. Явления права и суда рассматриваются в этом ракурсе не оторванно друг от друга, а в теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости. Вместе с тем сами по себе эти явления, а также их связи сложны и многогранны. Это связано с тем, что право, его институты, конечно, явление общественное: оно представляет собой «общественный продукт и общественный регулятор» [Гредескул, 1909]. В этом отношении значимым отличием от традиционных работ по процессуальной тематике, обусловленным объектом исследования, является обращение к отдельным частно-научным (междисциплинарным) методам, которые основаны на подходах юридического конструктивизма. Отсюда более широкое применение подходов социологической и психологической школ права, согласно которым само право (или потребность в нем) следует искать в социальном мире, реально существующих в нем отношениях, в виде взаимодействия людей (коммуникациях) [Честнов, 2016, с. 71].

При написании работы использовались и такие методологические подходы, как сравнительно-правовой, компаративный, в том числе частно-юридические, и, конечно-же, юридикто-догматический методы исследования.

Результаты и обсуждение

Область вмешательства государства в сферу регулирования правовых споров и решения конфликтов

Нужно всегда помнить, что в самом общем виде право не является спорным. В подавляющем большинстве случаев отдельные лица делают одинаковые выводы относительно своих прав и обязанностей, предусмотренных юридическими нормами, и добровольно соблюдают их. Вместе с тем обращение к истории человечества также свидетельствует, что конфликты между людьми существовали всегда. Безусловно, конфликты бывают разными. Спор может быть богословским (теологическим), научным, бытовым и т. д. Бывают экономические и социальные кризисы, политические, военные и т. п. конфликты. Юридические споры, несомненно, имеют свои видовые отличия.

В свою очередь, с точки зрения развития современной философской и научной мысли существование конфликтов в обществе не следует считать исключительно отрицательным явлением. Поиски объяснительных моделей поведения при адаптации к условиям самоизоляции и карантина во время пандемии и реадaptации после их отмены вновь обострили интерес к феномену преодоления, рассматриваемому во многих психологических концепциях. В настоящее время признается, что ситуация кризиса — как в случае системного кризиса, так и кризиса общего либо межличностного характера — далеко не всегда только деструктивное явление. Ее также можно квалифицировать как позитивное внешнее влияние, нацеленное на обнаружение новых перспектив в поиске стратегий для совершенствования судебной и иной правоприменительной деятельности, а также доктрины права.

В силу этого с развитием позитивного права и независимо от этого во все времена и у всех народов существует потребность в унификации конкретных прав и обязанностей как таковых, и соответствующая ей необходимость в тех или иных подходах к регулированию конфликтов и разрешению споров. Способы, методы и нормативные категории, в этих целях применяемые, различны.

На принципы организации и функционирования национальных судебных систем влияют различные факторы. Что касается основных детерминант, влияющих на создание, формирование и развитие процедур судебного и внесудебного производства, то можно с уверенностью говорить, что это социально-политическая структура и культурологические особенности любого общества [ван Хук, 2012, с. 100; Малешин, 2011].

Так, если развитое общество постоянно отдает предпочтение силе принуждения и суду, то традиционные общества в основном используют такие механизмы, как месть, двусторонние переговоры, посредничество, арбитраж (третейский суд). Здесь будет полезным напомнить, что основная функция права заключается в структурировании взаимодействий между людьми, которые могут иметь различные ценности, а также интересы. С этой основной функцией связан ряд других, среди которых разрешение конфликтов и регулирование споров занимает особое место [Фуллер, 1975].

Под общепринятое понятие «способы разрешения споров» с точки зрения современной правовой науки, следует отметить, подходят не только разбирательства дел в рамках государственной юстиции, выражением которой является суд как в области гражданского, административного, так и уголовного права; наряду с судом существуют и иные различные процедуры внесудебного производства, регулирующие правовые конфликты более «гибким» образом; при этом последние могут выступать и принадлежностью судебных инстанций, например: посредничество, медиация, примирительные процедуры, арбитраж (третейское разбирательство).

Современные альтернативные формы разрешения споров в России, равно как и за рубежом, уходят корнями в материальное право (трудовое, гражданское, предпринимательское, семейное право, охрана окружающей среды). Движущей силой их развития не только в США, но и в других странах послужили юридические, социальные, политические тенденции и самые разнообразные взгляды, включая идеи об эффективности судопроизводства, которое нужно было сделать более доступным, качественным и быстрым.

Причем при этом, в отличие от суда, который строго основывается на юридических нормах, все альтернативные процедуры (кроме арбитража (третейского суда)), хотя и в разной степени, основаны на принципе компромисса (например, судебное примирение, мировое соглашение) или консенсуса (в случае медиации) — согласии. Они подчиняются другой логике. В этом смысле модель компромисса (консенсуса) стремится к согласованию интересов в большей степени, чем к применению норм, здесь акцент делается на сохранении добрых отношений между спорящими. Следует принимать во внимание также и смысл конфликта. Модель поиска согласия (компромиссов, консенсуса), то есть поиска вариантов ликвидации спора, удобных для сторон, лежит в основе таких дел, в которых стороны более склонны к соглашению, нежели к конфронтации. В этом смысле, в случае удачи, интерес оказывается удовлетворенным

посредством установления некоего нового варианта отношений, выгодного обеим (всем) сторонам.

Различия эти учитывать, безусловно, важно. Действительно, как в свое время отмечали Лев Петражицкий [2000, с. 156], русский и польский ученый, правовед, социолог, философ, основатель психологической школы права в России и французский социолог права, Жан Карбонье [1980]: обращение к триадической модели способствует позитивации права, выработки позитивного права особого рода. Перед судом унификация конкретных правоотношений (приведение их в соответствие с нормами) достигает своего апогея.

Этот случай выработки правового мнения они называли «судом» (или процессом) и рассматривали его в качестве такого социокультурного феномена, который имманентно присущ праву.

Вместе с тем альтернативные процедуры, однако, не сводятся исключительно к процедурам внесудебного производства. Так, арбитраж (третейское разбирательство)) — который рассматривает дела в соответствии с весьма формальными правилами, — на самом деле ближе к полярным формам разрешения споров по сравнению с медиацией — «судейству», когда стороны признают авторитет третейского суда и высказывают желание подчиниться арбитражному решению. Но его также относят к альтернативным механизмам урегулирования конфликтов. Кроме того, международные и национальные исследования показывают, что развитие несудебных форм разрешения споров не приостановилось и в настоящее время — так, суды применяют не только медиативные, но и иные примирительные процедуры, третейское разбирательство; медиация используется в арбитраже (третейском суде), бизнес включает в договоры условия об использовании третейского разбирательства и процедуры медиации. В то же самое время, различные специальные квазисудебные органы со своими собственными процессуальными правилами, рассматривающие споры, например, в таких сферах, как банкротство, по вопросам трудовых и семейных отношений, налогового и патентные права и т. д., тоже стали «усваивать» эту тенденцию и в некоторых случаях трансформировать собственный процесс в более формальные процедуры. Так, по мнению американского профессора К. Менкель-Мидоу [Menkel-Meadow, 2001], эволюция неформальной юстиции в США привела к широкой гибридизации процессуальных институтов, что повлекло за собой возникновение «полуформальных» процессуальных механизмов, а в конечном итоге — появление отличного как от «формального», так и «неформального» юридического процесса. В то же самое время, так сложилось исторически, судебная деятельность может носить различный характер. В результате применения примирительных процедур (медиации и в том числе судебного примирения) он может создавать условия для диалога и урегулирования спора миром, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства.

Для осмысления этих типов процедур, судебных, несудебных и внесудебных, Норбер Рулан [1999, с. 273] — известный французский ученый-юрист, всемирно признанный специалист в области юридической антропологии — предлагает обратиться к общей концепции нормативных категорий французского историка Эммануэля Ле Руа. Последний автор, используя метод микроисторического сравнения, пришел к заключению, что

на основе различных форм защиты прав можно наблюдать множественность нормативных категорий, используемых современным обществом для урегулирования конфликтов.

Первая из них — категория соглашения; ее противоположностью выступает категория спора, которой соответствуют остальные категории: категория договора, при которой не исключена необходимость вмешательства третьего лица в поиске достижения согласия между сторонами спора; и категория принуждения, в случае превращения конфликта в тяжбу (когда спор достигает своего апогея и разрешается судом).

Этот анализ, на первый взгляд, дает удивительные результаты. Но опыт изучения феномена права в самом широком смысле этого слова подтверждает их¹. Некоторые существенные уточнения относительно приведенной выше классификации предлагает Норбер Рулан; автор акцентирует внимание на том, что по сравнению с категорией принуждения категории согласия (консенсуса) и спора распространены повсюду, но в наших современных обществах уживаются одновременно и категория принуждения, и категория договора.

Русский философ, богослов В. С. Соловьев [2012] полагал, что равновесие (согласие) есть специфический отличительный признак права.

В последнее время многие исследователи (как российские, так и зарубежные, и не только представители юридической науки) обращаются к древней этической идее — правилу золотой середины, которая в праве превратилась в общеправовой принцип пропорциональности, или идею справедливости, предполагающей равновесие и гармонию в мире. По сути, с точки зрения философии и социологии права, процессы, связанные с созданием, формированием и развитием процедур судебного и внесудебного производства, являются выражением объективной потребности социума в достижении равновесия и гармонии, рождающихся из юридического спора [Гаджиев, 2013]².

Интересную разработку в этом направлении можно наблюдать в последних реформах гражданского правосудия в Гонконге и Англии, вдохновленных известной тенденцией в развитии гражданского процессуального права, связанной с переосмыслением процессуальных целей. Эта тенденция, в соответствии с которой предпринимаются попытки

¹ По мысли профессора И. Л. Честнова, система права в конструктивистском измерении — «это не некая ... догматичная данность, — это деятельность субъекта (человека, как носителя правового статуса) по созданию и воспроизводству правовых норм, институтов» [Честнов, 2016, с. 79]. Ср.: В стремлении определить причины разрыва между теорией и практикой в процессуальном праве «мы должны обратить особое внимание на то, как ведут себя субъекты этого сложного процесса»; «В системе гражданского судопроизводства также присутствует в значительной мере человеческий фактор», — утверждает известный бельгийский ученый-процессуалист М. Сторм. Подробнее см.: Сторм М. Теория лучше практики? [Малешин, 2012, с. 9].

² Ср.: «На самом деле, первичной категорией в мире права является спор», даже несмотря на то, что официальным правом, «на первый взгляд, создается видимость, что в пространстве права самой важной онтологической единицей является норма закона. <...> Категории спора — согласия являются основными универсалиями онтологии права» [Гаджиев, 2013, с. 198, 199, 202].

улучшить эффективность судебных слушаний по конкретному делу [Малешин, 2012, с. 151, 152].

В этом смысле государственный суд, медиация и иные примирительные процедуры, арбитраж (третейский суд) представляют собой не просто способ разрешения конфликтов, существующий в рамках позитивного права, а один из инструментов, с помощью которого организуется эффективный правопорядок и в данном отношении достигается равновесие «между частною свободой и благом целого» (используя терминологию Владимира Соловьёва) [Соловьёв, 2012].

Отсюда становится очевидным, что через правовую культуру, включая всю систему правосудия и, соответственно, отправление правосудия, нормы процессуального права, процедуры судебного и внесудебного производства, предназначенные для регулирования споров и решения конфликтов, проявляется плюрализм права. Таким образом, действительно адекватная теория явления суда (как предполагал в свое время Л. И. Петражицкий) достижима только на почве понимания и изучения права как социокультурного феномена.

И очевидно, что стремление использовать только лишь технические приемы работы с нормативным материалом для изучения сферы разрешения споров и решать на основе такой техники научную задачу, касающуюся определения самого существа разнообразных видов процессуальных институтов, вводит ученых-процессуалистов в заблуждение [Малешин, 2012, с. 42–44]¹. Это связано с тем, что правовая действительность не исчерпывается лишь общими представлениями о позитивном регулировании гражданского процесса и иных форм деятельности по разрешению споров. Кроме того, те тенденции в развитии судебных и несудебных процедур, которые отмечены выше, показывают, что теория эволюционизма, хотя и не может считаться абсолютно ложной, однако, в силу своей односторонности, не может объяснить многообразие форм и нормативных категорий разрешения споров [Рулан, 1999, с. 274–277]; возможности ее ограничены.

Многообразие процедур разрешения споров: синхронический подход

В настоящее время в объяснении явления многообразия способов разрешения споров эволюционистскую модель сменила теория процедурного плюрализма — судебного (в интерпретации франкоговорящих исследователей) и процессуального (по версии

¹ На этом вполне определившемся факте — непримиримом противоречии, получившемся при изучении данного вопроса, на который натапливается теоретическая мысль в любой дискуссии, касающейся выбора формальных (судебных) и неформальных (несудебных) процедур разрешения споров, специально акцентирует внимание научного сообщества процессуалистов Оскар Чейз (США). Ученый выразил свою мысль с исключительной ясностью: «... мы должны принимать во внимание достоинства и недостатки каждого конкретного способа разрешения споров...» Необходимо понимать, какой аспект формального процесса используется в том или ином способе; каковы цели использования того или иного процессуального механизма разрешения споров; в чем заключаются цели, которые мы собираемся достигнуть, — замечает профессор Чейз. См.: Чейз. О. Основной доклад [Малешин, 2012, с. 41–46].

англоязычных авторов). Эти концепции уходят корнями в теорию юридического плюрализма.

Плюрализм форм защиты очень важен. Рассматривая вопрос об урегулировании конфликтов в контексте функций права, следует заметить, что многообразие процессуальных механизмов, используемых для разрешения споров (описанных выше), является не только одним из способов структурирования общества, оно имеет своим направлением также облегчение жизни граждан. Решение государственного суда оказывает влияние на укрепление социальных связей. Но современное государство в рамках национальной судебной системы пользуется плюралистическими методами для воздействия на взаимоотношения различных субъектов в случае возникновения правового спора, которые не противоречат его приверженности к сохранению монополии в правосудии. Следовательно, с этой точки зрения каждая из возможных процедур обладает собственной ценностью, имеет свое значение (цели, функции, стратегии).

Так, гражданский процесс имеет самостоятельную область деятельности и ей соответствующие самостоятельные цели. В настоящее время ст. 2 ГПК РФ¹ в качестве определяющей цели гражданского судопроизводства указывает защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов различных субъектов права. Другие задачи, названные в данной статье, тесно с ней связаны и зависят от нее; содействие мирному урегулированию спора в этом смысле не является исключением.

По сравнению с ГПК РФ в АПК РФ² и КАС РФ³ цели и задачи судопроизводства сформулированы несколько иначе, сообразуясь с областью их деятельности. Однако различия эти несущественны и носят терминологический характер. В названных процессуальных законах также присутствуют специальные разделы, посвященные примирительным (согласительным) процедурам.

Как известно, основное направление современных судебных реформ, проводимых в России в последнее время, — это эффективное, справедливое и качественное правосудие.

Поэтому, говоря об эффективности, справедливости и качестве судебных слушаний по гражданским делам, важно помнить о социальной направленности (цели или важнейшей цели) судопроизводства.

Цели гражданского судопроизводства в контексте национальной юрисдикции в настоящее время активно обсуждаются ведущими российскими учеными-процессуалистами. В современной научной литературе постепенно намечается колеблющееся равновесие между двумя противоположными подходами к пониманию целей (функций, задач, наме-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

рений) судопроизводства — разрешение споров и реализация социальной направленности (стратегии) правосудия, которое стало возможно в результате многих последних важных изменений в процессуальном законодательстве и практике. По сути же понятие «функция» (задача) равно предполагает и собственно результат, который надеются получить законодательные органы («цели» закона), и действительный результат, то есть пользу судопроизводства — тот полезный эффект правосудия по гражданским делам [Туманов, 2024, с. 121–125], который может и не совпадать со стремлениями законодателей или вообще возникать независимо от него и даже долго оставаться без внимания.

С этой точки зрения следует ясно понимать, что, анализируя функции процессуального права и судопроизводства по гражданским (арбитражным либо административным) делам, невозможно и даже нежелательно отрывать право или судебный процесс от их практического содержания в процессе применения.

Самая очевидная функция (или важнейшая цель) гражданского процесса следует из самого его определения как правового и социального института. В настоящее время многими российскими исследователями признается, что гражданский процесс есть институт публичного права, на который возложено поддержание правопорядка и социального порядка, путем осуществления защиты индивидуальных прав, свобод и законных интересов различных субъектов, являющихся участниками частно-правовых (гражданских в широком смысле слова (трудовых, семейных и т. д.)) отношений. В этом смысле и с этой точки зрения, защита прав, свобод и интересов справедливо названа в качестве определяющей (магистральной) цели правосудия по гражданским делам и гражданского (арбитражного) судопроизводства.

В этом плане гражданское процессуальное право, судопроизводство по гражданским делам полезно в нескольких отношениях. Прежде всего, следует отметить определенный теоретический эффект действия процессуального права, в общем. Как Ж. Карбонье [1980] утверждал: сама возможность обратиться в суд (за разрешением спора) выступает неоспоримым критерием для различения того, что касается просто морали и тем, что касается права. В этом же ключе, в частности, рассуждает Д. А. Туманов [2024]. Анализируя возможности граждан по инициированию судебных процессов в защиту общественных интересов, он подчеркивает, что перечень общественно значимых дел, рассматриваемых судами, не должен носить исчерпывающий характер.

В то же самое время в контексте последних тенденций в развитии процессуального права (конституционализации, интернационализации и социализации) взору открылось, что теоретически полезно и то, что судопроизводство никогда не существует само для себя; оно накладывается на субстантивное право. Эти тенденции, как следствие глобализации правового пространства, заставили по-новому взглянуть на проблему обеспечения права на доступ к правосудию.

С этого ракурса становится всё очевиднее, что, в дополнение к формальным гарантиям правовой защищенности, гражданин должен иметь реальную, практическую возможность осуществить защиту своих прав в судебном порядке, иначе говоря, он должен иметь доступ к тем органам, которые занимаются решением правовых конфликтов. Для осуществления реального доступа к правосудию необходим высокий стандарт

качества разрешения дел и существование процессуальных норм, обеспечивающих этот процесс.

Далее, процессуальное право, несомненно, приносит реальную практическую пользу с точки зрения задач судебной системы, поскольку позволяет гарантировать правовое равновесие. В данном отношении отличительной особенностью судебного процесса, главным образом предназначенного для властного установления прав и принудительного их соблюдения, является то обстоятельство, что судопроизводство по гражданским (арбитражным, административным) делам позволяет контролировать законность или незаконность любого правоотношения, любой правовой ситуации.

Вместе с тем сравнительный анализ национальных судебных систем при этом выявляет, что в любом случае правосудие по гражданским делам, гражданский процесс — в самом широком смысле слова — служит двум главным целям: разрешению индивидуальных споров и реализации коллективной (социальной) цели (стратегии), и как следствие, цели гражданского судопроизводства должны рассматриваться и с этой позиции¹. В связи с этим к сказанному следует еще добавить, что в некоторых отдельных случаях, благодаря широкой значимости гражданских и арбитражных дел, защита перед судом может достигать дополнительного полезного влияния — это адаптация законодательных правил и развитие права в судебной практике. Как утверждает профессор Марк ван Хук [2012, с. 237, 238], в таком случае законность судебных решений определяется посредством совещательной коммуникации. И на самом деле, такой процесс коммуникации возникает между судьей и сторонами спора, а также их представителями уже в связи с рассмотрением и разрешением дела судом первой инстанции; и затем — в случае обращения к процедуре судебного обжалования в вышестоящие судебные инстанции — коммуникативный процесс развивается: но при этом эти инстанции будут принимать во внимание и ранее вынесенные по данному делу судебные акты, наряду с аргументами и доказательствами, предоставленными сторонами. К слову сказать, эта цель судопроизводства не выделяется как основная российскими учеными и юристами, хотя возможность создания и развития судами (судьями) права активно обсуждается в юридической литературе.

Иногда дело оказывается достаточно интересным, чтобы быть опубликованным. В результате решение может стать предметом широкого обсуждения среди юридической аудитории. Существование большого числа юридических периодических изданий, интернет-ресурсов, публикующих сложные дела с комментариями, — еще одно подтверждение того, что различные виды дел и коммуникативных процессов могут оказывать влияние на более широкие сферы юридической практики судебных органов, а также на решение этических или политических вопросов (например, аборт, иммиграция, расизм и т. п.). Это же в равной степени распространяется и на вопросы общего харак-

¹ Стоит напомнить, что на самом деле положение о том, что индивидуальное судебное разбирательство может иметь более широкое значение, чем само разрешение конкретного спора, было известно и обсуждалось еще в русской процессуальной мысли. Об этом подробнее см.: [Рязановский, 1996, с. 36, 37].

тера, ибо прецедентное правило, сформулированное в результате судебного пересмотра, может в свою очередь повлиять и на другие различные решения.

Таким образом, рассматривая, как работает судебная практика в такой коммуникативной перспективе, мы наблюдаем проявление функции публичного форума, благодаря которой становятся возможными общественный контроль, критика и обсуждение. В то же время это показывает, что юридическая практика, если она функционирует в качестве постоянного совещательного сообщества, тем самым предоставляет дополнительную ценность по сравнению с формально легитимным законотворчеством, доказывая свою способность создавать (естественно, в более длительной перспективе) более качественное право.

Что же касается значимости посреднической роли судов, то окончание судебного процесса миром, в том числе по результатам проведения процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии процесса, имеет также значительный полезный эффект. В отличие от метода «разрешения спора», для методов «урегулирования правового конфликта (поиска компромисса) и «консенсуального» метода, на которых основано примирение сторон, характерно стремление к согласованию интересов в большей степени, чем к применению норм, путем снятия конфликта в отношениях. Их использование предполагает будущие отношения, что, в частности, способствует установлению более гармоничных отношений между сторонами спора и добровольному исполнению судебных актов, а тем самым расширяет возможности правосудия и судебного процесса.

Вместе с тем, если говорить о ценности несудебных и внесудебных способов разрешения споров в целом, то сравнительный опыт К. Менкель-Мидоу [2001] позволяет ей утверждать, что некоторые аспекты процедур внесудебного производства (отсутствие строго установленных процессуальных правил, конфиденциальность, индивидуальные решения и индивидуальное разрешение спора без необходимости признания вины) создают прежде всего для самих спорящих более эффективное «урегулирование» правового конфликта.

Современный подход в этом отношении состоит также в установлении рамок гражданско-правовых (арбитражных, и в особенности административных) дел (досудебное урегулирование для определенных категорий правовых споров). Применение этого подхода можно найти в учебном пособии «Судебный контроль в области государственного управления» А. Т. Боннера и В. Т. Квиткина, вышедшем в свет в 1973 г. в издательстве Московского университета; и у Д. М. Чечота, в его известной работе «Административная юстиция: (Теоретические проблемы)», изданной в том же году Ленинградским университетом. В этом смысле есть основание говорить о том, что в лице суда государство оставляет за собой право контроля за результатами, достигнутыми по итогам применения внесудебных и примирительных процедур, в частности: посредством заявления в суд со стороны участников третейского разбирательства по вопросам и в порядке, предусмотренных специальными положениями процессуального законодательства (раздел VI ГПК РФ, гл. 30 АПК РФ); путем обращения с иском в суд, в случае неисполнения медиативного соглашения; а также при окончании судебного спора по результатам

примирения. Контроль за исполнением соответствующих судебных постановлений осуществляется в порядке исполнительного производства.

В этом ключе, опираясь на мнение ряда авторов, заинтересованных в сравнительном правоведении [Малешин, 2012, с. 166], к сказанному необходимо также добавить, что даже с учетом роста значимости деятельности судов, направленной на содействие сторонам в мирном урегулировании спора, решение проблемы так и не стало основной целью системы правосудия, хотя может быть побочным ее результатом. Несмотря на наследие Франца Кляйна, а также русских правоведов, таких как Евгений Васьковский, Валентин Рязановский, которое предполагает реализацию судом социальных целей, социальную направленность (стратегию, цель) гражданского судопроизводства, в большинстве национальных правовых порядков (как, собственно, и у нас) чаша весов по-прежнему склоняется к рассмотрению дела.

Таким образом, разрешение споров и урегулирование конфликтов являются для права необходимым условием для реализации остальных его функций, направленных на улучшение человеческих взаимоотношений.

Заключение: публичная юстиция и процедурный плюрализм

Организация ландшафта национальной судебной системы, принципы ее функционирования зависят от политического выбора каждого государства. Даже если разрешением споров и урегулированием конфликтов занимается государственный суд, это всё равно остается частью выбора государства в области судебной политики. Именно в воле современного государства вмешиваться в область урегулирования конфликтов — с точки зрения юридической антропологии и коммуникативной теории права — в полной мере находит свое проявление его стремление сделать из права свое право. Таким образом, каждое общество пытается разрешить свои конфликты и, тем самым, сделать нашу жизнь лучше.

Международные исследования юридического опыта в области гражданского процессуального права подтверждают эту версию [Малешин, 2012]. И действительно, в настоящее время максимально эта воля находит свое отражение в административной и конституционной юстиции. В связи с этим необходимо также вспомнить, что наряду с тенденциями, которые обсуждались выше, в частности, в России данные тенденции, развиваются параллельно другим, не менее важным течениям — созданию органа конституционной юстиции и специального судопроизводства для рассмотрения и разрешения административных споров. Рассматривая эти процессы совместно, можно заключить, что растущая загруженность судов заставляет государство поощрять альтернативное разрешение споров. Однако при этом право контроля за результатами применения сторонами спора внесудебных или примирительных процедур, государство оставляет за собой.

В то же самое время, наблюдая за развитием правосудия и судебного процесса, можно прийти к заключению, что в последнее время разрешение споров в России развивается

в различных направлениях, что я бы назвала «процедурное многообразие», или многообразием форм (способов) защиты прав и интересов. Действительно, по мысли Лона Фуллера [Fuller, 1976], нужно понимать, что решение конфликтов, регулирование правовых споров может осуществляться «во многих местах». Идея заключается в том, что каждая из форм защиты прав имеет свою самобытность — характеризуется определенной группой ценностей, способами вынесения решений, целью и идеями. В данном контексте представляется, что процедурный плюрализм может рассматриваться как возможность сторон спора осуществить выбор между различными способами и формами защиты прав, избрать виды подходящих решений, соответствующих как цели использования того или иного способа разрешения конкретного спора, так и целям, которых они собираются достигнуть.

Отсюда очевидно, что не все вопросы могут быть предметом одинакового отношения. Однако до настоящего времени в юридической литературе остается полностью не раскрытым вопрос об условиях (факторах) процессуального выбора определенного процедурного механизма разрешения споров. Вместе с тем становится всё очевиднее, что среди множества задач, которые стоят перед научным сообществом процессуалистов, проблема определения границ и обеспечения необходимого баланса в соотношении судебных и несудебных процедур в настоящее время является основной.

Список источников

- Гаджиев Г. А. 2013. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М. 320 с.
- Гредескул Н. А. 1909. Лекции по общей теории права. СПб.: Типо-Литография И. Трофимова. 319 с.
- Карбонье Ж. 1980. Юридическая социология / пер. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Прогресс. 352 с.
- Кистяковский Б. А. 1999. Философия и социология права. СПб.: РХГИ. 800 с.
- Лазарев С. В. 2024. Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: автореф. дис. ... доктора юрид. наук / Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева. 36 с.
- Малешин Д. Я. 2011. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут. 496 с.
- Малешин Д. Я. (ред.). 2012. Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник докладов Всемирной конференции Международной ассоциации процессуального права (Москва, 18–21 сентября 2012 г.) / Междунар. ассоц. процессуального права [и др.]. М.: Статут. 718 с.
- Петражицкий Л. И. 2000. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань. 608 с.
- Рулан Н. 1999. Юридическая антропология. М.: НОРМА. 310 с.
- Рязановский В. А. 1996. Единство процесса / вступ. ст. М. К. Треушникова. М.: Юрид. бюро «Городец». 75 с.
- Соловьёв В. С. 2012. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа. 474 с.

- Стрельцова Е. Г. 2023. Взаимодействие судебного и альтернативного порядков защиты субъективного права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве: дис. ... доктора юрид. наук. М. 493 с.
- Туманов Д. А. 2024. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: монография М.: Городец. 750 с.
- Фуллер Л. 1975. Право как инструмент социального контроля и право как средство облегчения человеческого взаимодействия // *BYU L. Rev.* № 89. <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol1975/iss1/5> (дата обращения: 20.06.2025).
- Хук, ван М. 2012. Право как коммуникация / Санкт-Петербургский гос. ун-т; [пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова]. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та: Унив. изд. консорциум. 287 с.
- Честнов И. А. 2016. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // *Правоведение.* № 2 (325). <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivistskaya-paradigma-v-yurisprudentsii> (дата обращения: 08.09.2025).
- Fuller L. 1976. *The Anatomy of Law*. [Б. м.]: Greenwood Press Inc. 182 pp.
- Menkel-Meadow C. 2001. *Mediation: Theory, Policy, and Practice*. Burlington, VT: Ashgate/Dartmouth. 676 pp.

References

- Gadzhiev, G. A. (2013). *Ontology of law: (Critical study of the legal concept of reality)*. [In Russian]
- Gredeskul, N. A. (1909). *Lectures on the general theory of law*. Typo-Litography of I. Trofimov. [In Russian]
- Carbonnier, J. (1980). *Legal sociology* (translated from French and entry article by V. A. Tumanov). Progress. [In Russian]
- Kistyakovsky, B. A. 1999. *Philosophy and sociology of law*. RHGI. [In Russian]
- Lazarev, S. V. (2024). *Judicial management of the movement of the case in the civilistic process: Theoretical problems* [Dr. Sc. (Juridical) dissertation abstract, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev]. [In Russian]
- Maleshin, D. Ya. (2011). *Civil procedural system of Russia*. Statute. [In Russian]
- Maleshin, D. Ya. (Ed.). (2012). *Civil procedure in cross-cultural dialogue: Eurasia context. Proceedings of the LAPL World Conference on Civil Procedure (18–21 September, Moscow, Russia)*. Statute.
- Petrzhitskii, L. I. (2000). *Theory of law and state in connection with the theory of morality*. Lan. [In Russian]
- Rulan, N. (1999). *Legal anthropology*. Norm. [In Russian]
- Ryazanovskii, V. A. (1996). *Unity of the process* (entry art. by M. K. Treushnikov). Lawyer Bureau "Gorodets". [In Russian]
- Solovyov, V. S. (2012). *Criticism of abstract principles*. Direct Media. [In Russian]
- Streltsova, E. G. (2023). *The interaction of the judicial and alternative procedure for the protection of subjective law and the forced execution of executive documents in the social state* [Dr. Sc. (Juridical). dissertation]. [In Russian]
- Tumanov, D. A. (2024). *Protection of public interests in civil proceedings*. Publishing House "Gorodets". [In Russian]

- Fuller, L. (1975). Law as an Instrument of Social Control and Law as a Facilitation of Human Interaction. *BYU L. Rev*, 89. <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol1975/iss1/5>
- van Hook M. (2012). *Law as communication* (translated from English by M. V. Antonov and A. V. Polyakov). Publishing House of St. Petersburg State University: Univ. Publishing House "Consortium". [In Russian]
- Chestnov, I. L. (2016). Constructivist paradigm in jurisprudence. *Pravovedenie = Law Studies*, 2(325). <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivistskaya-paradigma-v-yurisprudent-sii/viewer> [In Russian]
- Fuller, L. (1976). *The anatomy of law*. Greenwood Press Inc.
- Menkel-Meadow, C. (2001). *Mediation: Theory, policy, and practice*. Ashgate/Dartmouth.

Информация об авторе

Надежда Вадимовна Сухова, кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.v.sukhova@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9517-0153>

Information about the author

Nadezhda V. Sukhova, Cand. Sc. (Jur.), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Institute of State and Law, University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.v.sukhova@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9517-0153>